

PRILOZI

Е. П. НАУМОВ

БОСНИЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как известно, в советской историографии, посвященной исследованию проблем политического и социально-экономического развития зарубежных славянских народов в эпоху феодализма, значительное место принадлежит работам советских медиевистов по средневековой истории народов Югославии; обзоры этих работ уже помещались в соответствующих изданиях.¹⁾ Однако до сих пор еще нет работ, в которых были бы специально рассмотрены те труды советских историков, в которых в большей или меньшей мере освещаются различные вопросы средневековой истории Боснии.

В соответствии с этим в данной статье мы ставим своей целью дать такой краткий обзор советской исторической литературы применительно к боснийскому средневековью (т. е. преимущественно в XII—XV вв.), который, на наш взгляд, может быть полезен и для советских, и для югославских специалистов. Разумеется, прежде всего такой обзор сможет познакомить с тем, что уже сделано было в советской литературе в плане освещения средневековой Боснии; далее — в определенной степени, разумеется, это позволит судить и о разработке тех или иных вопросов боснийской государственности и общества в историографии в целом; а, следовательно, на таком основании можно судить и о том, какие направления дальнейших исследований этой широкой и сложной проблематики представляются более важными и перспективными.

¹⁾ См., например: Нарочницкий А. Л., Писарев Ю. А. *Итоги и перспективы изучения истории Югославии в СССР*. — «Вопросы истории», № 7, 1975; Наумов Е. П., *Балканское средневековье*. — «Балканские исследования», вып. 5, М., 1979, с. 15 и след.

Вполне понятно, что в одной лишь этой статье невозможно подробно рассмотреть все те работы советских историков и те советские научно-популярные и справочные издания, которые содержат освещение проблем боснийского средневековья, и поэтому мы здесь остановимся на наиболее важных трудах советских медиевистов. В данной связи следует сразу же отметить, что, говоря о рассмотрении этих вопросов в советской исторической литературе, необходимо указать четыре основных направления, а именно: изучение истории боснийского богомилства, далее — изложение (в более или менее сжатом очерке) главных процессов политической истории Боснии в XII—XV вв., исследование некоторых конкретных вопросов политического строя и социально-экономического развития (в тот же период) и, наконец, характеристика и оценка ценных источников по истории Боснии в эпоху османского завоевания (XV в.) и связанных с ними определенных аспектов борьбы против османского натиска.

Намечая эти четыре основных направления в рассмотрении советскими учеными проблем боснийского средневековья, мы должны, разумеется, учитывать и то обстоятельство, что на первых этапах развития советского славяноведения можно судить о проявлениях интереса к отдельным событиям или процессам истории средневековой Боснии, а с течением времени, с разворачиванием в СССР славяноведческих исследований боснийская тема постепенно стала все шире и шире освещаться в литературе. В частности, упоминая о работах и замыслах советских славистов в 20-х годах, нельзя не назвать одного из докладов, который был сделан в Славянской комиссии АН СССР (28 апреля 1925 г.) нашим лингвистом и палеографом М. Г. Долобко (1884—1935). Показательно, что доклад М. Г. Долобко «Новые данные в изучении боснийского богомилства» был тесно связан и служил своеобразным продолжением его занятий средневековыми боснийскими рукописями.²⁾

Не менее показательно, что известный советский славист академик Н. С. Державин также проявлял заметный интерес к истории богомилов, в том числе и к материалам по боснийскому богомилству. В частности, в т. II его «Истории Болгарии» некоторые вопросы истории средневековой Боснии затронуты и в главе, посвященной богомилскому движению в Болгарии и других странах Европы, а также в заключительном разделе, где говорится об османском завоевании Болгарии, Боснии и других земель Балканского полуострова.³⁾

Важным показателем возросшего уже в 40-х годах нашего столетия интереса к боснийскому средневековью можно считать также и тот факт, что в это время появляются первые специальные (пусть и весьма краткие) очерки истории феодальной Боснии. Мы имеем в виду, например, сжатый обзор событий средневековой истории, ко-

²⁾ Логачев К. И., *Советское славяноведение до середины 30-х годов.* «Советское славяноведение», 1978, № 5, с. 98; ср. также: *Славяноведение в дореволюционной России.* М., 1979, с. 143.

³⁾ Державин Н. С., *История Болгарии*, т. II, М.—Л., 1946, с. 43, 45, 48, 49, см. также с. 160.

торый помещен в разделе «Босния и Герцеговина» и который вошел в свою очередь в исторический очерк прошлого народов Югославии (в справочнике «Балканские страны»). Здесь было сказано о наиболее важных событиях и процессах средневековой истории Боснии, о богомилстве, о деятельности правителей Боснии и «Холмской земли» (т. е. позднейшей Герцеговины), о становлении феодального строя, наконец, о завоевании страны турками-османами.⁴⁾

Другой, несколько более подробный очерк включен в статью советского историка, акад. Ю. В. Готье «Образование Сербского государства».⁵⁾ Как известно, Ю. В. Готье (1873-1943) еще в дореволюционный период интересовался историей южных славян, читал в Московском университете курс лекций по южнославянской истории.⁶⁾ О разносторонних познаниях автора свидетельствует и данный сжатый очерк «Босния до XV века», где он рассматривает и место Боснии в общей панораме югославянского средневековья, в особенности в связи с постоянными попытками венгерских феодалов добиться прочного подчинения Боснии своей власти. Как и Н. С. Державин, Ю. В. Готье специально останавливается на большой роли богомилства в Боснии, подчеркивая, что «богомилство под внешней религиозной оболочкой, как всякая средневековая ересь, было движением противофеодальным, классовым», что богомилство имело большое значение для укрепления политической независимости Боснии.⁷⁾

В то же время, разумеется, Ю. В. Готье уделяет здесь внимание и проблемам политического и социально-экономического развития, касаясь вначале политического курса боснийских банов (Кулина, Матвея Нинослава и др.), а затем подробнее говоря о создании Боснийского королевства и внешнеполитических успехах Твртко I, первого боснийского короля, добившегося наибольшего расширения своих владений от Савы и Дрины до Котора и Задра. Вместе с тем автор указывает, что «Боснийское королевство Твртко, как и Сербское царство Душана, было государством, скоро сколоченным, но слабо объединенным», обращая внимание на всеисилие крупных феодалов, на их стремления к децентрализации, к ослаблению королевской власти, а это, как справедливо подчеркивает Ю. В. Готье, способствовало османскому натиску впоследствии на Боснию, как и на другие балканские страны.⁸⁾ Вместе с тем в очерке Готье мы находим немаловажные сведения о социально-экономическом и политическом строе Боснии, в частности, оживлении торговли, о созыве сословных собраний феодалов — соборов, о положении феодально зависимых крестьян, которые обычно выплачивали господам третью часть своего дохода.⁹⁾ К сожалению, в виду небольших размеров всей статьи автор не смог подробнее охарактеризовать политическое положение Боснии

⁴⁾ Балканские страны. М., 1946, с. 109—110.

⁵⁾ Готье Ю. В., *Образование Сербского государства*. — Славянский сборник. М., 1947, с. 18—22.

⁶⁾ См.: *Славяноведение в дореволюционной России*, с. 129.

⁷⁾ Готье Ю. В., *Образование...*, с. 19, 21.

⁸⁾ Готье Ю. В., *Образование...*, с. 22.

⁹⁾ Там же.

в XV в., лишь упомянув об участии короля Твртко I в антитурецкой борьбе балканских народов (а именно в битве на Топлице в 1387 г.) и о завоевании османскими войсками в 1463—1483 гг. Боснии и Герцеговины¹⁰) Иными словами, оценивая оба эти кратких обзора боснийского средневековья, мы можем отметить, что эти очерки (при всех пропусках и недостатках, проистекавших и из задачи информационного, популярного освещения, и из отсутствия новых, специальных разработок этих проблем) содержали полезный фактический материал, знакомили читателей с важными событиями и процессами исторического развития феодальной Боснии.

Последующее десятилетие (т. е. 50-е годы) в советской исторической литературе примечательно, на наш взгляд, тем, что (естественно, применительно к средневековой Боснии) круг затронутых в историографии проблем становится шире, что теперь уже можно говорить и о появлении третьего направления, т. е. работ, специально посвященных истории османского завоевания Боснии и других балканских государств, освещению героической борьбы боснийцев и других южнославянских народов за свою свободу и самостоятельность. В данном случае мы имеем в виду прежде всего появление монографической статьи З. В. Удельцовой «Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке».¹¹)

В этой работе, в частности, заслуживает особого внимания раздел, где дан подробный источниковедческий анализ сообщений Критовула о завоевании Боснии Мехмедом II и о войне турок с венгерскими войсками в пределах Боснии. Обстоятельно рассматривая эти сведения Критовула и сопоставляя их с другими источниками (турецкими, венгерскими), З. В. Удельцова указывает, что «несмотря на неточности и пробелы, рассказ Критовула в целом заслуживает доверия, а по стройности и красочности изложения значительно превосходит другие источники».¹²) В данной связи З. В. Удельцова отметила здесь, что свое повествование о походе Мехмеда II в Боснию (1463) Критовул начинает с небезинтересной характеристики этой страны, упоминая и, между прочим, о ее природных богатствах, неприступных крепостях, богатых и могущественных правителях. Признавая определенную тенденциозность Критовула (т. е. его стремление подчеркнуть значимость побед султана), З. В. Удельцова пишет, что «все же это не меняет общего впечатления» от рассказа современника-византийца, т. е. впечатления о Боснии «как о стране сильной и могущественной». Более того, сочинение Критовула в известной мере даже дает нам возможности судить о причинах османских побед: Босния, по изображению Критовула, типичное феодальное государство, причем центральная власть, в лице их «правителя» (князя Боснии Стефана Томашевича) была, видимо, слаба».¹³) Далее

¹⁰) Там же, с. 42, 44.

¹¹) Статья издана: «Византийский временник», 1951, т. IV, с. 91—121.

¹²) Там же, с. 113.

¹³) Там же, с. 110.

З. В. Удальцова указывает, что об этом походе Мехмеда II есть сообщения и у других средневековых авторов (Л. Халкокондила, Саад-эд-дина, Михаила Янычара), однако сопоставление всех свидетельств говорит нам, что «в целом изложение событий у Кривоцула совпадает с данными других авторов», хотя можно отметить здесь и тенденциозное умолчание Кривоцула в угоду султану (о нарушении обещания сохранить жизнь королю Стефану).¹⁴⁾ Рассматривая далее сведения о походе венгерского короля Матвея Корвина в Боснию и о борьбе османов с венгерскими войсками, З. В. Удальцова подчеркивает, что и в этом случае «в целом рассказ Кривоцула правилен и совпадает с данными других современных ему источников». В то же время, как справедливо отмечает автор, «и здесь, как и в других частях своего труда, Кривоцул в силу своей тенденциозности стремится преуменьшить неудачу Мехмеда II» — при осаде боснийского города Яйце, выдвигая поэтому на первый план нападение паши Махмуда на венгерский обоз.¹⁵⁾ Иными словами, как видно из вышесказанного, работа З. В. Удальцовой представляет большой научный интерес потому, что в ней дан подробный источниковедческий анализ сообщений такого осведомленного (но тенденциозного) средневекового писателя, каким был историограф Мехмеда II Кривоцул; в работе дан не только перевод соответствующих сведений Кривоцула о Боснии 60-х годов XV в., но и сравнение их с другими источниками.

Эта тема османского нашествия на Боснию, борьбы за свободу Боснии за самостоятельность против османских завоевателей нашла освещение в работах И. С. Достян. Рисуя картину длительной и ожесточенной борьбы балканских народов против османских завоевателей, И. С. Достян касается и отдельных фактов и событий, связанных с историей феодальной Боснии; так, в частности, она говорит о политике Твртко I и об участии боснийских отрядов в битве на Косовом поле (1389), о междоусобных распрях балканских владетелей (в том числе — и боснийских, сербских и др.), которые облегчали продвижение турецких войск, далее, переходя к последним дням Боснийского королевства, приводит немаловажное свидетельство о том, что османские полководцы обещали всем в Боснии свободу, если они перейдут на сторону султана (речь, разумеется, шла о зависимых крестьянах).¹⁶⁾

Вместе с тем, говоря здесь о советской исторической литературе 50-х годов, хочется — применительно к рассмотрению средневековой Боснии, — отметить еще одну примечательную особенность. Дело в том, что в эти годы появляются новые учебные пособия, подготовленные советскими историками, а именно: **первый** учебник по истории зарубежных славянских стран, а также **новое** издание

¹⁴⁾ Там же, с. 111.

¹⁵⁾ Там же, с. 113.

¹⁶⁾ Достян И. С. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв. — «Византийский временник», 1953, т. VII; Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV—начало XIX в.). М., 1958, с. 7, 8, 12, 15—17 и др.

учебника по истории средних веков;¹⁷⁾ в этих изданиях (в отличие от предшествующих учебных пособий)¹⁸⁾ мы уже находим особые разделы, посвященные истории боснийской феодальной государственности.

Так, например, в «Истории средних веков» (изд. 1952г.) был заметно расширен материал по южнославянским странам, которым здесь (в отличие от учебного пособия 1941г.) посвящены отдельные главы (автор этих разделов — З. В. Удальцова); в главе XXII («Южнославянские страны в XII—XV вв.») помещен специальный раздел «Босния в XI—XV вв.». В этом разделе дан вначале сжатый обзор истории Боснии начиная с середины Xв. (времен князя Чеслава), отношений с Византией и Венгрией, подчинившей себе Боснию, отмечается фактическая самостоятельность страны при Кулине, далее — также, как и в других работах, указывается на широкое распространение богомилства (в том числе и среди боснийских феодалов), на расширение и кратковременное усиление Боснийского государства в конце XIVв., в период правления Твртко I, присоединившего часть Сербии и Хорватии. Однако, как констатируется ниже, «борьба между отдельными феодальными кликами вскоре привела к ослаблению Боснии».¹⁹⁾

Более подробным был раздел «Босния в XII—XIV вв.» в учебнике по истории южных и западных славян (автор — проф. С. А. Никитин), где больше было внимания уделено проблемам внутривосточной истории страны. В частности, С. А. Никитин подчеркнул наличие немаловажных особенностей в церковной организации Боснии, а именно католического богослужения на славянском языке, более того — создания «местной патаренской церкви на основе видоизмененного богомилства», обладавшей характерными чертами (так, например, отсутствие монастырей, отказ от сбора десятины, определенная близость к православию). В этом разделе приводится конкретный материал и о положении боснийского крестьянства («кметов»), о распространении испольной аренды, о существовании рабства и работорговли, о развитии торговли и горного дела, разработки рудников, наконец, об определенных мерах боснийских банов и королей, поощрявших местных горожан, о постройке в кон. XIVв. города св. Стефана (ныне Херцегови) и некотором нарастании роли местных горожан, несмотря на монопольные права иноземных купцов — дубровчан и венецианцев.²⁰⁾

Вместе с тем в этом разделе были освещены и основные мероприятия и направления внешней политики боснийских правителей XIVв. — Стефана II и Твртко I, в частности, провозглашение коро-

¹⁷⁾ История средних веков, М., 1952, т. I; История южных и западных славян. М. 1957; см. также: Очерки истории южных и западных славян. Л., 1957.

¹⁸⁾ См., например: История средних веков, М., 1941, т. I; История государства и права, М. 1949, т. I.

¹⁹⁾ История средних веков, 1952, т. I, с. 559.

²⁰⁾ История южных и западных славян, М., 1957, с. 58—59.

левства, включившего в свой состав часть Сербии, Хорватии, Далмации, а также и участие боснийских отрядов в битве на Косовом поле (1389).²¹⁾ К сожалению, последующий период истории Боснийского государства не нашел здесь освещения, если не считать краткого сообщения об успехах турок-османов, захвативших Сараево (1436), затем всю Боснию.²²⁾ Все же в целом, учитывая и наличие сведений по социально-экономической и церковной истории страны, такое сжатое освещение основных этапов и событий прошлого Боснии можно признать удачным, соответствующим задачам данного учебного пособия.

Переходя далее к рассмотрению советских изданий, вышедших в 60-х годах, нам необходимо прежде всего сказать о тех немаловажных историографических чертах трудов советских славистов, которые имели определенное значение и в плане освещения боснийского средневековья. Так, в первую очередь следует подчеркнуть, что в начале этого десятилетия вышел в свет первый коллективный обобщающий труд советских ученых по истории народов СФРЮ — «История Югославии»; в эти годы были изданы также новые учебники по истории зарубежных славянских народов (в 1966 и 1969 гг.). Все эти издания, — о чем мы скажем ниже подробнее, — включают специальные разделы по средневековой Боснии. Вместе с тем, — и это не менее показательно, — в этом десятилетии появляются первые исследовательские работы, в которых были изучены средневековые исторические источники и определенные проблемы социально-экономического развития не только применительно к Сербии, Хорватии, но и к Боснии; эти работы нами будут обстоятельнее рассмотрены в дальнейшем изложении.

Возвращаясь вновь к оценке соответствующих разделов в коллективных работах и учебных пособиях, мы остановимся сначала на главе 10-й «Боснийское государство», которая напечатана в т. I «Истории Югославии» (автор главы — проф. С. А. Никитин).²³⁾ Эта глава представляет собой достаточно подробный очерк политической и социально-экономической истории феодальной Боснии, снабженный и несколькими иллюстрациями (в том числе — известной миниатюрой из Хрвоева миссала, изображающей герцога Хрvoja Вукчича); очерк основан на широком круге литературы (в том числе — и современной югославской), и одной из его особенностей является стремление познакомить читателей с наличием спорных проблем в историографии (например, о происхождении и характере боснийской церкви, о значении термина «кметы»).²⁴⁾ Очерк разделен на три части, первая из которых посвящена возникновению и развитию Боснийского государства в XII—XIV вв.

Прослеживая становление в этот период самостоятельной государственности и боснийской церкви, С. А. Никитин подчеркивает

²¹⁾ Там же, с. 59.

²²⁾ Там же, с. 66.

²³⁾ *История Югославии*, М., 1963, т. I, с. 124—136.

²⁴⁾ Там же, с. 125, 129.

также, что «уже во второй половине X—XI вв. Босния представляла собой целостный территориально-политический организм», а начавшееся уже тогда развитие боснийского политического строя было тесно связано «со спецификой сложившихся в Боснии церковных отношений».²⁵⁾ Это своеобразие боснийской феодальной системы автор усматривает не только в создании самостоятельной (патаренской — еретической) церкви, но и в отсутствии у нее своих земельных владений с зависимыми крестьянами, что способствовало «особенно быстрому росту экономической силы, а вслед за этим и политического могущества светских феодалов», поскольку боснийская церковь «не могла стать опорой» правителей (банов, затем — королей), как это было в Сербии.²⁶⁾ Именно поэтому и в период кратковременного усиления и расширения Боснийского государства в конце XIV в. мощь и влияние боснийских вельмож еще более выросли, и это «стало из причин непрочности успехов», достигнутых Твртко I.²⁷⁾

Вполне понятно, что, коснувшись одной из важных особенностей боснийского феодального строя, С. А. Никитин переходит затем к рассмотрению социально-экономического и государственного развития страны в XII—XV вв. Здесь он указывает на медленность складывания феодальных отношений, причем далее, при анализе отдельных сторон внутривосточной истории, он также сопоставляет соответствующий материал боснийских источников с аналогичными или сходными институтами Сербии и Хорватии, позволяя тем самым читателям представить и свидетельства своеобразия местного феодального строя, и некоторые общие особенности, свизжающие Боснию и другие южнославянские страны. В этом разделе говорится о земельной собственности феодалов, о зависимом крестьянстве, о заметном росте ремесла и торговли, о государственных соборах, доходах казны, чеканке собственной монеты, о военном устройстве и т. д. Между прочим, С. А. Никитин, завершая этот раздел, обращает внимание и на то, что в XV в. особенно заметен рост самостоятельности крупных феодалов, устраивавших свои таможи, собиравших общегосударственный налог (дукат с дома).²⁸⁾

В соответствии с этой важной констатацией усиления феодальной децентрализации в Боснийском королевстве в XV в. закономерным становится переход далее в этой главе к последнему разделу, где речь идет об упадке средневековой Боснии и завоевании страны турками. Быстрый захват Боснии в 1463 г. султаном Мехмедом II, как показывает здесь автор, был следствием ожесточенной борьбы разных боснийских вельмож и феодальных группировок, чувствовавших себя фактически полностью самостоятельными и не подчинявшихся своим сюзеренам — королям Котроманичам; среди таких крупнейших вельмож С. А. Никитин называет здесь Сандаля Храича, Хрвоя Вукчича, Павловичей, Степана Вукчича, который про-

²⁵⁾ Там же, с. 124.

²⁶⁾ Там же, с. 125—126.

²⁷⁾ Там же, с. 128.

²⁸⁾ Там же, с. 129—132.

возгласил себя герцогом св. Саввы и таким образом подчеркнул независимость своих владений, получивших затем наименование Герцеговины. Вкратце автор здесь касается и судеб Боснии после похода Мехмеда (1463), говоря о присоединении северной ее части венгерским королем Матьяшем Корвином, о захвате османами Герцеговины (1465—1482) и затем северной Боснии (1512—1528).²⁹⁾

В данной связи, оценивая этот очерк С. А. Никитина, необходимо отметить также, что значение его не исчерпывается освещением и осмыслением наиболее важных событий и характерных черт боснийского средневековья. Этот очерк, содержащий разнообразный и достаточно подробный материал, сыграл в то же время немалую роль в формировании оценок и анализе процессов феодальной Боснии в работах других советских историков. Так, в частности, характеристика Боснийского государства в последующих советских учебниках по истории зарубежных славянских народов весьма близка к той, которая дана в «Истории Югославии», хотя, разумеется, есть в соответствующих разделах и некоторые отличия от трактовки С. А. Никитина.

Мы можем, например, указать, что в университетском учебнике, подготовленном украинскими славистами, специальный параграф бы отведен для рассказа об истории Боснии и Дубровника в VII—XV вв.³⁰⁾ В этом параграфе (автор — проф. С. И. Сидельников) в целом удачно показаны основные особенности политического и социально-экономического развития Боснии в XII—XV вв., хотя здесь и встречаются отдельные неточности (так, властеличи названы «властеличами») и спорные формулировки. Автор этого раздела полагал, между прочим, что «в отличие от **Сербии** в горнорудном промысле Боснии **Значительную** роль играли также, купцы, мастера и рудокопы из местного населения».³¹⁾ По нашему мнению, вряд ли это можно считать примечательной особенностью горного дела только Боснии, поскольку, как известно, и в **Сербии** накануне османского завоевания возрастает роль местных горожан.³²⁾

В изданном в 1969 г. учебнике по истории южных и западных славян также помещен специальный параграф «Босния и Герцеговина в XII—XV вв.» (автор — А. Е. Москаленко).³³⁾ Изложение здесь в целом достаточно близко тому очерку, который был написан проф. Никитиным; А. Е. Москаленко довольно удачно характеризует здесь и положение зависимых крестьян, их подати, он пишет и о наличии феодальной иерархии внутри господствующей верхушки Боснийского государства, о самостоятельной церкви боснийской, ее соотношении с богомилством и отсутствии церковного землевладения; отмечает автор и экономический подъем XIV—XV вв. (разработку рудников, рост внутренней торговли и т. п.). Но несмотря на это, указывает

²⁹⁾ Там же, с. 132—136.

³⁰⁾ *Історія південних і західних слов'ян*. Київ, 1966, с. 23—25.

³¹⁾ Там же, с. 24; ср. *История Югославии*, т. I, с. 130.

³²⁾ Ср., например: *История Югославии*, т. I, с. 112.

³³⁾ *История южных и западных славян*. М., 1969, с. 42—44.

автор, города Боснии политической роли не играли и не смогли противостоять феодальной раздробленности страны; завершается параграф кратким изложением основных событий политической истории Боснийского государства (при Кулине, Стефане II, Твртке I, далее сказано и о Стефане Вукчиче, наконец, о захвате страны турками-османами в 1463г.).

Для удобства изложения далее мы рассмотрим и соответствующие разделы, посвященные Боснии в других учебниках, которые появились позднее, в 1979—1980гг. В данном случае следует учитывать и сходство этих кратких очерков, и сам характер этих изданий. Так, например, в учебном пособии Московского университета (1979) А. Е. Москаленко вновь написал небольшой раздел «Босния в XII—XVвв.»³⁴⁾ который по своей трактовке боснийского средневековья в общем близок тому очерку, который был издан в предшествовавшем учебнике (1969). В данной связи хотелось бы отметить лишь некоторые моменты, а именно датировку сложившихся феодальных отношений XIII веком, далее — предположение о барщине зависимых крестьян,³⁵⁾ а также указание, что боснийское «богомилство не было лишено антифеодальных тенденции».³⁶⁾

Вместе с тем, разумеется, в известной мере история средневековой Боснии освещалась и в других учебных пособиях, в том числе — по истории средних веков. Например, в новом учебнике, подготовленном советскими медиэвистами, имеется раздел «Босния и Хорватия в XIII—XVвв.» (автор — Г. Г. Литаврин).³⁷⁾ Здесь, таким образом, при композиции (в отличие от некоторых вышеназванных изданий, где говорится о Сербии и Боснии, Боснии и Дубровнике) учитывается зависимость Боснии и Хорватии от Венгерского королевства, хотя уже с конца XIIв. заметно усиление Боснии. В этом разделе, как и обычно в других работах, речь идет о создании самостоятельной боснийской церкви, о расширении Боснийского королевства в конце XIVв., об охватившей уже затем Боснию феодальной анархии и о захвате османами страны в 60-х гг. XVв. Вместе с тем автор раздела обращает внимание и на социально-экономическое развитие Боснии, которая переживала свой расцвет в XIVв. «Здесь, как и в Сербии, вотчины, обладавшие обширной барской запашкой, были тесно связаны с рынком, особенно внешним». Сравнение с Сербией производится также и применительно к истории боснийских городов, поскольку «в отличие от Сербии города центральной Боснии получили некоторые привилегии», однако в горном деле были сильны позиции венецианцев и далматинских нобилей. В этой связи автор отмечает также, что развитию экономики Боснии препятствовала и зависимость страны от Венгерского королевства.³⁸⁾

³⁴⁾ История южных и западных славян, Курс лекций. М. 1979, с. 50—52.

³⁵⁾ Там же, с. 50. ср.: История Югославии, т. I, с. 130.

³⁶⁾ История южных и западных славян. Курс лекций, с. 51.

³⁷⁾ История средних веков. М., 1980, с. 322.

³⁸⁾ Там же.

Если в этих, перечисленных выше обобщающих работах и учебных пособиях задачей было создание цельного (пусть и весьма сжатого, нередко очень невольного по объему) изложения политической и социально-экономической истории боснийского государства, причем это изложение основано было преимущественно на литературе и лишь некоторых источниках, то целью монографических исследований советских историков, в которых с 60-х гг. привлекался и боснийский материал, стало обстоятельное рассмотрение всего наличного фонда источников по той или иной проблеме внутривосточного развития Боснии, выбор определенных вопросов истории государственного и социального строя средневековой Боснии, притом тех вопросов, которые могут быть важны не только для раскрытия примечательных особенностей феодальной системы самой Боснии, но и для анализа общих черт в сложных процессах становления и развития южнославянской феодальной государственности и общественного строя в целом.

Первым из таких вопросов южнославянского средневековья, которые подверглись анализу и на базе боснийских источников, была т. н. «жупная организация», т. е. роль жупанов и жуп в складывании феодальной политической организации (преимущественно в Сербии и Боснии, отчасти в Хорватии, Болгарии и других славянских землях); анализу всего этого сложного комплекса проблем были посвящены статьи В. П. Грачева,³⁹⁾ которые затем в той или иной мере вошли в состав его монографии «Сербская государственность в X—XIV вв.»⁴⁰⁾

Важной особенностью этих работ В. П. Грачева является то, что он, уделяя в своем исследовании главное внимание анализу свидетельств о жупах и жупанах в средневековой Сербии и привлекая аналогичные материалы по другим славянским странам, специально рассматривает сообщения сохранившихся письменных памятников о жупах и жупанах в тех областях, которые входили в состав державы Неманичей, а позднее — в состав Боснийского государства. Так, в частности, он подробно разбирает, в каких именно источниках и когда име новались жупами отдельные районы в пределах областей Подгора, Холм (Хум, Захумье) и Требинье на протяжении длительного периода — начиная с Хв. и кончая эпохой османского завоевания (XV в.).⁴¹⁾ При этом он стремится выявить взаимосвязь распространения термина «жупа» (в том числе — и в этих районах) с процессами феодализации, с переменами в системе земельной соб-

³⁹⁾ Грачев В. П., *Из истории изучения славянских средневековых институтов* (вопрос о жупах и жупанах в историографии). — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. 29, 1965; он же. Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках XII—XV вв. и трактовка их в историографии (К изучению политической организации в средневековой Сербии). — Источники и историография славянского средневековья М., 1967; он же. Жупная организация у славян и ее роль в развитии государственности. — В кн.: *История, культура, фольклор и этнография славянских народов*. М., 1968.

⁴⁰⁾ Грачев В. П., *Сербская государственность в X—XIV вв.* (Критика теории «жупной организации»). М., 1972.

⁴¹⁾ Там же, с. 91—120.

твенности, в административном устройстве, с ролью церковного землевладения (католической и православной церкви) и влиянием богомилства среди местного населения.

В данной связи заслуживает внимания то обстоятельство, что анализ всех этих вопросов приводит автора к выводу, что «развитие феодальных отношений на территории районов Требиньской, Холмской и Подгорской областей шло более замедленными темпами по сравнению с районами Рашки» (т. е. внутренней Сербии — Е. Н.). В. П. Грачев подчеркивает здесь, что эта специфика феодального развития в данных областях «была характерна и для развития Боснийского государства». ⁴²⁾

Точно так же, используя византийские, сербские, дубровницкие и остальные материалы, В. П. Грачев анализирует далее свидетельства о жупанах, об эволюции этого средневекового института, выделяя особо сообщения о жупанах Требинья (Травунии) и Конавлей, Холма (Хума или Захумья), включая соответствующие свидетельства о районах Попово Поле, Стоц, Загорье и Невесинье. ⁴³⁾ Несомненно представляют интерес сделанные на основе данного материала следующие наблюдения и заключения автора, который полагает, что в «Холме, Требинье и Зете институт жупанов удерживался несколько дольше», чем в Рашке, т. е. вплоть до 50—70-х гг. XIII в., но «с 80-х годов он постепенно начал перестраиваться», поскольку уже не отвечал системе развитых феодальных отношений в державе Неманичей. Примечательно также, что сам факт длительного сохранения жупанов в Требинье и Хуме В. П. Грачев склонен объяснить «своеобразием организации местной феодальной знати»; позднее же, по его мнению, «жупаны в Зете, Холме и Требинье утратили свою ведущую роль в местном административном управлении, постепенно превращаясь в феодальных собственников». ⁴⁴⁾ Оценивая в данной связи роль местных правителей (из побочной линии династии Неманичей), автор отмечает в качестве одной из своеобразных особенностей политического и общественного развития этих районов наличие особой организации феодальной знати и сходство ее «с организацией феодальной знати в Боснии». ⁴⁵⁾ Все это, на наш взгляд, свидетельствует о важности и перспективности дальнейших исследований сложной и еще малоизученной проблемы своеобразия феодальной системы в Боснии, о необходимости сопоставлений полученных уже результатов с материалами по центральной Боснии XIV—XV вв., отчасти по Хорватии той же поры.

Предметом исследований Е. П. Наумова являются проблемы сословных обозначений господствовавшей феодальной верхушки Боснии и Хума, а именно история терминов «боляре» и «властели»

⁴²⁾ Там же, с. 197.

⁴³⁾ Там же, с. 208—236.

⁴⁴⁾ Там же, с. 293.

⁴⁵⁾ Там же, с. 243.

(в XIII в.),⁴⁶⁾ а также «властеличичи» (в XIV—XV вв.).⁴⁷⁾ Рассмотрение этих вопросов феодальной сословной терминологии позволяет проследить динамику тех или иных обозначений, более того — определить общие черты наименований феодальной знати в эпоху средневековья (например, «болдире» — в Сербии, Боснии, Хуме, точно так же, как и на Руси и в Болгарии; термин «властеличич» — в Сербии, Боснии и Хуме в XIV—XV вв.); вместе с тем анализ этих свидетельств дает возможность и выявить взаимосвязь определенных терминологических новшеств (в частности, появления термина «властеличичи» в Боснии) и конкретных политических мероприятий королевской власти, далее — наметить и некоторые различия в лексиконе королевской канцелярии и приближенных боснийских вельмож. В работах Е. П. Наумова также затрагивается вопрос о сходстве путей феодального развития Боснии и Сербии (на примере земельных пожалований местным феодалам в XIII в.), о наличии аналогичных форм и терминов феодальной земельной собственности (типа «дедина», «племенщина» и др.) в Боснии и (до определенного периода) также в Сербии.⁴⁸⁾ Особо следует назвать работы, в которых автор касается взаимоотношений феодального Боснийского королевства и города Котора в конце XIV в. Так, например, анализ текста I Которской грамоты Стефана Душана, которая сохранилась в поздней и интерполированной копии, приводит к выводу, что эта грамота является подлинным документом, а копия ее должна быть датирована концом XIV в., т. е. временем боснийской верховной власти над Котором.⁴⁹⁾ В другой статье рассмотрены сложные вопросы политической обстановки конца 70-х и начала 80-х гг. XIV в., накануне признания Котором сюзеренитета короля Твртка I.⁵⁰⁾ Наконец, нужно в этой связи упомянуть и о том, что некоторые проблемы истории Боснии затронуты в докладе Е. П. Наумова «Сербские средневековые источники о богомилстве», который был включен в программу международного симпозиума «Богомилство на Балканах в свете новейших исследований», проведенного в 1978 г. в Скопье совместно Сербской, Македонской, Черногорской Академиями наук и искусств и Академией наук и искусств Боснии и Герцеговины.⁵¹⁾

⁴⁶⁾ Наумов Е. П., К истории феодальной сословной терминологии Древней Руси и южнославянских стран. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов (эпоха средневековья). М., 1972, с. 229—234; Наумов Е. П., Господствующий класс и государственная власть в Сербии XII—XV вв. М., 1975, с. 82—84.

⁴⁷⁾ Наумов Е. П., Босански и хумски властеличичи. — Годешњак Друштва историчара Босне и Херцеговине, год. XXVIII—XXX, 1977—1979; ср.: Наумов Е. П. Властеличичи, — «Историја», Скопје, 1976, № 1—2.

⁴⁸⁾ Наумов Е. П., Господствующий класс..., с. 102—104, 110.

⁴⁹⁾ Наумов Е. П., Две которские грамоты Стефана Душана. — Вопросы истории славян. Воронеж, 1972, вып. 4, с. 12—15.

⁵⁰⁾ Наумов Е. П., Народное восстание в г. Которе и Которской области (1380 г.). — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, 1966, т. 30, с. 6, 9, 10, 13.

⁵¹⁾ Советское славяноведение, 1979, № I, с. 125.

Возвращаясь к проблемам османского завоевания Боснии, следует отметить также издание русского перевода «Записок янычара» — известного сочинения Константина Михайловича из Островицы, который появился в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»; введение, перевод и комментарии к этому произведению подготовлены А. И. Роговым.⁵²⁾ Как известно, Константин Михайлович сам был деятельным участником событий 60-х гг. XV в., связанных с Боснией; после захвата Боснии он был комендантом крепости Звечай, а несколько ранее, находясь при султанском дворе, он сам пытался, по его словам, предотвратить захват Боснии османами.⁵³⁾ Понятно, что ввиду этого особый интерес представляют соображения и наблюдения А. И. Рогова по поводу текста «Записок», о личности их автора, о списках сочинения и распространении их в Польше и Чехии. Таким образом, издание «Записок янычара» свидетельствует об интересе советских историков к проблемам османского завоевания Балканского полуострова (в том числе и Боснии), к анализу средневековых источников, содержащих важные сведения о Боснии той поры.

Завершая обзор советских изданий, в той или иной мере освещающих историю средневековой Боснии, мы должны также сказать и об энциклопедиях, где имеются конкретные статьи по данной проблематике. Так, например, в «Большой советской энциклопедии» (второе издание) в статье «Богомилы» упоминается о распространении богомильства в разных странах, в том числе и в Боснии,⁵⁴⁾ в историческом очерке Боснии и Герцеговины дан краткий обзор событий и процессов боснийского средневековья (в частности, здесь речь идет о феодализации, богомилах, османском завоевании);⁵⁵⁾ в соответствующем томе напечатана и краткая статья «Твртко I Стефан».⁵⁶⁾

Сходные сведения о средневековой Боснии и богомильстве сообщаются и в третьем издании «Большой советской энциклопедии».⁵⁷⁾ Аналогичные сообщения мы находим в «Советской исторической энциклопедии» — о кратком историческом обзоре Боснии и Герцеговины (автор В. Г. Карасев), где также сказано о заселении славян, процессах феодализации, распространении богомильства, развитии феодальной государственности при Кулине, Стефане II, Твртко I, Степане Вукчиче, о завоевании османами страны;⁵⁸⁾ краткие статьи посвящены здесь некоторым боснийским правителям, например, Кулину, Твртко I и Твртко II.⁵⁹⁾

Наконец, в этой связи можно упомянуть и о том, что некоторые боснийские средневековые источники привлекались в работах совет-

⁵²⁾ *Записки янычара*. Написаны Константином Михайловичем из Островицы (введение, перевод и комментарии А. И. Рогова). М., 1978.

⁵³⁾ Там же, с. 89—94.

⁵⁴⁾ *Большая советская энциклопедия*, т. 5, М., 1950, с. 353.

⁵⁵⁾ Там же, с. 618—619.

⁵⁶⁾ Там же, т. 42, 1956, с. 55.

⁵⁷⁾ *Большая советская энциклопедия* (3. изд.), т. 3, 1970, с. 448, 589.

⁵⁸⁾ *Советская историческая энциклопедия*, т. 2, 1962, стб. 638—639.

⁵⁹⁾ Там же, т. 8, 1965, стб. 166; т. 14, 1973, стб. 166.

ских лингвистов по истории именного словообразования и связанных с ним процессами этнического развития на Балканах.⁶⁰⁾

В заключение нашего обзора советской исторической литературы, освещающей проблемы боснийского средневековья, мы можем таким образом отметить значительное разнообразие рассмотренных выше изданий как в плане тематическом и хронологическом, так и в смысле характера и задач отдельных работ. Как уже указывалось нами ранее, по своей тематике эти советские издания и отдельные работы разных авторов были весьма неодинаковы, освещая не только общие вопросы политической и социально-экономической истории Боснии, но и конкретные аспекты государственного строя, малоизученные особенности феодальной сословной терминологии и земельной собственности, этнического развития страны. Показательно, что различные вопросы боснийского средневековья привлекали внимание советских историков (византинистов, славистов), филологов; это говорит о живом интересе к прошлому Боснийского государства, к средневековым источникам, к освещению взаимоотношений Боснии с турками и Венгерским королевством, с привлечению боснийского материала для широких историко-сопоставительных наблюдений применительно к важным процессам феодального общества на Балканах.⁶¹⁾

Разумеется, особо следует сказать и о важности оценки работ югославских историков по данной проблематике,⁶²⁾ о необходимости дальнейшего тщательного исследования материала письменных памятников,⁶³⁾ что, например, особенно заметно применительно к разработке вопросов истории богомильства в Боснии и других странах Балканского полуострова.⁶⁴⁾ Все вышеизложенное, по нашему мнению, наглядно показывает, что даже такой краткий обзор советской литературы, посвященной истории средневековой Боснии, имеет опре-

⁶⁰⁾ См., например: Железняк И. М. Давні, сербохорватські відтєгномічні антропонімі. — В кн.: Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965, с. 256—258. Ср. также: она же. Очерк сербохорватского антропонимического словообразования (Суффиксальная система сербохорватской антропонимии XII—XV вв.). Киев, 1969; она же. К истории сербохорватских патронимических форм XII—XV вв. — В кн.: Дослідження з мовознавства. Київ, 1963, вып. 2; Наумов Е. П., Балканские влады и формирование древнесербской народности. — В сб.: Этническая история восточных романцев. М., 1979.

⁶¹⁾ Ср., например: Наумов Е. П., Балканское крестьянство в феодальной системе XII—XV вв. (К вопросу об эволюции крестьянских категорий и повинностей в южнославянских странах и в северной Албании). — В кн.: Балканские исследования, М., 1982, вып. 7, с. 23—24; История Венгрии, М., 1971, т. 1, с. 189, 191, 230 и сл.

⁶²⁾ Ср.: Наумов Е. П., Динамика феодального строя Сербии и Боснии (в оценке современной югославской историографии). — В. с.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1980, вып. 6.

⁶³⁾ Ср., например: Никитин С. А., Задачи советских историков в области изучения истории Югославии. — Славянский сборник, Воронеж, 1958, вып. исторический, с. 7—10.

⁶⁴⁾ Ср.: Мешин В. А., Сербская редакция Синодика в неделю православия. — «Византийский временник», т. 16, 1959, т. 17, 1960.

деленное значение для советских и югославских специалистов, которые в своей исследовательской работе в той или иной мере касаются проблем боснийского феодального общества и государственности, изучают вопросы политического и социально-экономического развития той поры. Данный обзор, на наш взгляд, полезен не только тем, что отмечает более или менее изученные аспекты боснийского средневековья, но и тем, что содействует пониманию значимости древних боснийских источников для более полного представления о сложных процессах становления и развития феодального строя в югославянских землях, об общих и локальных особенностях социальной и сословной динамики в странах Юго-Восточной Европы в целом и в сопоставлении с другими регионами средневековой Европы.⁶⁵⁾

⁶⁵⁾ См., например: Удадьцова З. В., Гутнова Е. В. К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе. — В сб.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973.